

НАРОДЫ СССР

И. И. Травин. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни. Л., 1979, 116 с.

Книга И. И. Травина представляет собой редкий в научной литературе пример удачного междисциплинарного исследования «мира вещей», который рассматривается под углом зрения не только смежных, но и далеких друг от друга дисциплин: эстетики, истории, экономики, архитектуры и дизайна, социологии и социальной психологии.

Исследование И. И. Травина, известного социолога, прежде всего восполняет пробел в социологическом анализе вещного мира, однако автор демонстрирует широкую осведомленность и в этнографии. Следуя логике развития своей темы, он нередко привлекает материалы современных исследователей культуры и быта городского населения. Им высоко оцениваются приоритет и методологические достижения этнографов и этносоциологов, чьи работы так или иначе касаются изучения образа жизни и развития материальной культуры в городах (упоминаются работы Ю. В. Арутюняна, Л. А. Анохиной, Ю. В. Бромлея, О. Р. Будины, Л. М. Дробижевой, В. Ю. Крупянской, И. П. Труфанова, М. Н. Шмелевой и др.). В книге отмечено своеобразие этнографического подхода, в частности учет «духовных аспектов материальной культуры, раскрывающих отношения людей к тем или иным ее типам, их представления о минимуме предъявленных к вещам требований, о норме или идеале в этой области, определяемых национальной принадлежностью, соображениями социального престижа, семейным положением, личными вкусами и т. д., т. е. различных ориентаций и установок»¹.

Отмеченная особенность — обращение социологии к этнографии, характерная для работы И. И. Травина, не типична для содружества этих дисциплин (привычнее обратное движение), и уже благодаря этому обстоятельству рецензируемая книга должна привлечь внимание этнографов. Однако для этого есть и другие основания — прежде всего тема исследования и новизна ее раскрытия. Автор рассматривает материально-вещную среду жизнедеятельности людей (МВС) прежде всего в качестве элемента образа жизни, его объективных условий. Объективные условия жизнедеятельности, эксплицированные в материальной культуре, являются продуктом культурного развития прошлых поколений и составляют историко-культурный фон образа жизни, повседневного поведения. Материальные условия жизни, обусловленные характером производительных сил общества, являются неотъемлемой частью процесса его развития. «Той же мерой единства обладают и процессы повседневной жизнедеятельности людей и материально-вещных условий их осуществления» (с. 15).

Определяя природу как естественную среду жизнеобитания человека, автор подчеркивает, что искусственная среда («вторая природа») — это среда жизнеобеспечения. Эволюция вещного мира и образа жизни постепенно приводит к тому, что искусственная среда из среды жизнеобеспечения все в большей степени становится средой жизнедеятельности, причем автономизация человека от природы проходит два этапа: 1) образование городов и отделение от природы как сферы приложения труда; 2) промышленная революция и изменение форм взаимодействия человека с МВС.

МВС выполняет уже не только инструментально-технологические функции, но, приобретая некоторую «тотальность», развивается в локализованные микросреды, в которых человек взаимодействует уже исключительно с самими МВС.

В условиях капитализма элементы МВС несут на себе все признаки товарного фетишизма.

Урбанизация и индустриализация приводят к стандартизации многих сторон быта — в первую очередь материальной его компоненты; создается широкий общий пласт культуры, однако этническая окраска придает бытовой культуре неповторимое своеобразие. Обедненный «нормально-модульными» членениями интерьер современного жилища порождает своеобразный «эстетический голод», что создает тягу к нестандартным вещам; причем один из способов удовлетворить эту потребность — использование традиционных вещей, изделий народных промыслов и др. (с. 51).

Рассматривая тенденции развития МВС, позволяющие строить соответствующие прогнозы, автор подробно анализирует роль и место отдельных элементов, в частности само жилище горожанина, современные способы его освещения, его технологическое оборудование, роль телевизора и автомобиля в структуре МВС и др. Этот анализ, как правило, учитывает разные «проекции» элементов МВС: их влияние на образ жизни, их зависимость от социальных норм и традиций, их обусловленность этапами развития технологии и дизайна. Особенно важно то обстоятельство, что И. И. Травин постоянно держит в поле внимания необходимость формирования оптимальной модели материального потребления, необходимость борьбы с мещанскими и мелкобуржуазными формами «престижного потребления». Обсуждая проблему «необходимых потребностей» (с. 80), автор опирается на марксистское положение о том, что «размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большей мере от культурного

¹ М. Н. Шмелева. Об основных тенденциях развития материальной культуры русского городского населения в последнее столетие. — «Сов. этнография», 1974, № 3, с. 40.

уровня страны»². Отсюда могут быть выведены и региональные различия моделей поведения, что важно для понимания некоторых аспектов этнической специфики поведения. Повседневным формам поведения, связанным с бытовым укладом, в книге постоянно уделяется внимание, поскольку виды деятельности в совокупности с объективными условиями деятельности (в частности, с МВС) и составляют основу образа жизни. В трактовке последнего учитывается сложившееся в этнографии широкое понимание быта как совокупности всех устойчивых форм жизнедеятельности и поведения в производственной, общественной и семейной сферах.

Приближение всех параметров быта к современному урбанистическому стандарту, нивелирование социально-культурных различий постоянно акцентируется в работе. Иногда автор даже несколько опережает реальность в своих рассуждениях, и это естественно: во-первых, для него важнее стадияльно-типическое в городской культуре, чем статистически распространенное; во-вторых, социологическому анализу вообще свойствен прогностический аспект.

Однако не со всеми утверждениями автора о нивелировании бытовых различий можно согласиться, например с тем, что одежда горожан теряет функцию социального маркирования, и др.

Пожалуй, самые новаторские и в то же время самые дискуссионные идеи И. И. Травина содержатся в последнем разделе книги и касаются путей трансформации интерьера. Здесь развивается выдвинутая еще в 20-х годах (Б. Кушнером) концепция «развешивания», переосмысленная в конце 60—70-х годов К. Кантором³, автором рецензируемой книги и другими искусствоведами, дизайнерами и обществоведами. Одним из ее выражений является архитектурно-дизайнерская концепция «жилища-театра»⁴, предполагающая возможность свободной трансформации жилого пространства и элементов обстановки (подобно декорациям на сцене) в зависимости от изменения функций жилища.

Выступая за коренную модернизацию предметов, составляющих обстановку квартиры (в частности, против косной схемы «меблирования» городской квартиры), И. И. Травин в присущей ему образной манере замечает: «Нужно быть яростным адептом сборно-секционной трансформируемой мебели, чтобы довести до конца идею спланировать свое жилое пространство по своему усмотрению, в соответствии со своими потребностями. Обычный потребитель, склонный к компромиссу, в конце концов впускает на свое «поле» стадо деревянных мастодонтов и смиряется с ролью зрителя своего личного музея, а не хозяина вещей» (с. 107).

Автор видит три пути «развешивания» как реальной альтернативы традиционной организации быта: а) замена вещей централизованными сетями оборудования жилища; б) вытеснение вещей приближенными к жилищу услугами; в) переход к групповым формам использования вещей. Вытеснение вещей должно, по мысли автора, явиться результатом прогресса общественных отношений. За вещами останутся лишь функции символизации социальной и эмоциональной памяти (в какой-то мере, на наш взгляд, это уже происходит с традиционными предметами национального быта в городах, хотя в общем прогнозе представляется спорным).

Отечественная и зарубежная этнография внесла значительный вклад в изучение «происхождения вещей», возникновения искусственной культурной среды (достаточно упомянуть работы Е. Э. Бломквист, Д. К. Зеленина, А. Леруа-Гурана, Р. Липса, К. Рамма и др.). Когда читаешь книгу И. И. Травина, думается, что этнографам пришла пора включиться в дискуссию о путях эволюции и прогноза МВС, сформулировать свою точку зрения на оптимум ее развития. Прогноз развития материальной культуры активно влияет уже на сегодняшнее массовое производство вещей, определяет направление поисков архитекторов, художников, дизайнеров, а значит — формы завтрашнего быта.

Г. В. Старовойтова

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 246.

³ К. Кантор. Красота и польза. М., 1968.

⁴ А. В. Рябушин. Развитие жилой среды. М., 1976.

А. Т. Ганалаян. Армянские предания. Ереван, 1979, 356 с.

Научная классификация и изучение народных преданий и шире фольклорной прозы «несказочного» характера в последнее десятилетие является, пожалуй, одной из наиболее актуальных проблем международной и отечественной фольклористики. Разработке этой проблемы были посвящены не только многие международные, общесоюзные и региональные форумы, но и большое число научных трудов фольклористов разных стран¹. В середине 50-х годов, когда в международной фольклористике нарастал интерес к пре-

¹ A. Ancelane. Latviessu tautas teikas. Riga, 1961; R. M. Dorson. Folk legends of Jарап. Токуо, 1962; К. В. Чистов. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964; С. Н. Азбелев. Проблемы международной систематизации преданий и легенд. М.—Л., 1966; В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970; Е. Б. Вирсаладзе. Грузинские народные предания и легенды. М., 1973; Н. А. Криничная. Северные предания, Беломорско-Обонежский регион. Л., 1978, и др.